

ПУШКИН КАК ИМЯСЛАВЕЦ: К ВОПРОСУ О КОНТЕКСТЕ ЭТОЙ ТЕМЫ У ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА*

БИРЮКОВ

Дмитрий Сергеевич

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник.

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург.

E-mail: dbirjuk@gmail.com

Ключевые слова:

Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Павел Флоренский,
Алексей Лосев, имяславие, идеи, художественное творчество.

В статье анализируется фрагмент из сочинения Вячеслава Иванова «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова», где Иванов, опираясь и в чем-то полемизируя с различием Андреем Белым в статье «Жезл Ааронов» поэтических подходов Ф.И. Тютчева и А.С. Пушкина, характеризует Пушкина как поэта, для которого характерен трансцендентный, а не имманентный логизм, и в этом контексте называет Пушкина имяславцем. В полемике с концепцией Людмилы Гоготиливили, противопоставляющей воззрения Иванова, выраженные в этом фрагменте, и имяславскую доктрину, автор, наоборот, выявляет сходство между ними. Автор обнаруживает у Павла Флоренского в его сочинении «Смысл идеализма» один из важных источников вдохновения Вячеслава Иванова в рассматриваемом фрагменте.

В своей статье «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова», опубликованной в 1922 г. в Москве (Иванов 1922), Вячеслав Иванов обращается к статье Андрея Белого «Жезл Ааронов, — о слове в поэзии», посвященной природе поэтического языка. Он следует за мыслью Андрея Белого, когда тот, говоря о сути поэзии, работает с противопоставлением логики-абстракции (логизма), с одной стороны, и звука, с другой. Иванов, вслед за Белым, формулирует суть истинного поэтического слова таким образом, что оно преодолевает разрыв между рассудочным схематизмом и плотью-звуком, должно составлять их единство и быть «логосом — плотью звучащего

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.».

слова» (Иванов 1987, 635¹). В этом отсутствии разрыва между схематизмом и звуком, предполагающую неразделенность формы и содержания, и заключается суть «символизма».

Далее Иванов обращается к проводимому Белым противопоставлению поэтических подходов Ф.И. Тютчева и А.С. Пушкина, в целом, соглашаясь с этим противопоставлением и развивая на основании него собственные рассуждения. Белый и Иванов видят в Тютчеве проявленную подсознательную, ночную творческую стихию, а также метафоричность в качестве творческого метода. Наоборот, для Пушкина характерен «солнечный логизм» и метонимия вместо использования метафор в качестве поэтического метода. Впрочем, для Тютчева тоже характерен логизм, но это логизм имманентный его личности, тогда как пушкинский логизм — трансцендентный (Иванов 1987, 636). Для Пушкина вещи имеют эйдетическое измерение; Пушкин в своем художественном творчестве выявляет идеи вещей и работает с этими идеями, где идея — это не какое-то отвлеченное понятие, а живая и животворящая реальность. Поэтому, согласно Вячеславу Иванову, Пушкин является платоником во взгляде на мир, а также, добавляет Иванов, Пушкин — имяславец, а имена в его творчестве — живые энергии идей:

Пушкин — бессознательно платоник в своем взгляде на мир; и Пушкин — «имяславец». Его имена (и косвенно — его переименования, метонимии) суть живые энергии самих идей (Иванов 1987, 636).

Противопоставляя Пушкина и Тютчева, Иванов ставит в соответствие Тютчеву миф, а Пушкину — логос. Тютчев, говоря о вещах, имажинирует и мифотворит, Пушкин же заставляет увидеть их в их чистом, эйдетическом облики. В этом заключается смысл именования Пушкиным вещей. Однако это именование — и здесь Иванов противопоставляет свое видение тому, что пишет о Пушкине Белый — имеет некое естественное ограничение, «заповедную черту», за которой уже мы сталкиваемся с неназываемым и где логизм уже не работает. Об этой заповедной черте именования, говорит Иванов, знали и древние.

Пушкин ... метко схватывает сущности и право их именует, они же сами непосредственно являют, в ответ на правое их именование, свою связь и смысл — до некоей заповедной черты, когда именование прекращается, потому что за нею — область немоты, где

1 Ср. идеи, высказанные Ивановым в лекциях по поэтике, читанных им в Бакинском университете в 1921–1922 гг., т.е. во время, близкое к написанию Ивановым рассматриваемой статьи (Белькинд 1980, 212).

сущности говорят уже не живым, а «мертвым языком о тайнах вечности и гроба».² Древние знали эту область непостижимого и неизреченного; но сущие в ней силы, сношения с коими было необходимо поддерживать, они все же именовали, разумеется, не их подлинными несказанными именами, а эвфемистическими (в угоду им) метафорами. ... Пушкин, служитель светлого Аполлона, останавливается на пороге сумрачного царства и не только не пронизывает его своим солнечным логизмом, (как Андрей Белый утверждает ошибочно), но остерегается называть неназываемое и тем вводить в мир единственно открытого человеку разумения то иррациональное и запретное, что составляет «Тайну вечности и гроба» (Иванов 1987, 637–638).

Данные размышления Иванова послужили отправной точкой для формирования концепции Людмилы Гоготишвили о лингвофилософии Иванова в имяславском контексте в ее статье «Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)». Основываясь на этом фрагменте, Гоготишвили противопоставляет Иванова имяславию и говорит о возможной «точке несогласия» между ними. В качестве такой точки Гоготишвили видит провозглашенную Ивановым «заповедную черту» именования, за которой именования становятся невозможным. Согласно Гоготишвили, по Иванову, «именование — действенная сила, и ему подлежат даже сущности и идеи, но оно не всеохватно: имеется некая межа, после которой “именование прекращается” и, надо понимать, начинается что-то в языковом отношении иное. По мысли же имяславцев, в частности — С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева, авторов двух развернутых и систематизированных “Философий имени”, такой “заповедной черты”, за которой или до которой прекращалось бы именование, не существует. И хотя в разных версиях имяславия выделяются разные же ступени или степени именитства, все они признаются в глубинной основе именно именованием» (Гоготишвили 1999, 305).

Я не согласен с этой концепцией Гоготишвили; на мой взгляд, в ней упускается паламитская составляющая, которая присутствовала фактически во всех изводах русского имяславия (т.е. учения о том, что имена Бога есть сам Бог, в смысле Его энергий) — в версии Флоренского, Булгакова, Лосева и др. Напомню, что базовая паламитская (по имени Григория Паламы — византийского богослова 14 в.) интуиция состоит в различении в Боге непознаваемой и непричастуемой сущности и познаваемых и причастуемых энергий. Это различение между

2 Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание» от 19 мая 1828 г.

непознаваемой божественной сущностью и познаваемыми энергиями в ходе имяславских споров было заимствовано П.А. Флоренским и перенесено им на все сущее: Флоренский придал этому языку универсальное значение и стал использовать его в качестве языка, описывающего онтологическую структуру любого сущего и имеющего отношение к любому познавательному акту. Так, в своем программном тексте «Имяславие как философская предпосылка» (1922 г.). Флоренский пишет: «вне и помимо своей энергии, притом энергии усвоенной, бытие остается не открытым, не-явленным и, следовательно, непознанным» (Флоренский 2000а, 256). Также, в своих сочинениях Флоренский нередко упоминает, как о само собой разумеющемся, положение, характерное для византийского богословия как такового (и в частности, являющегося маркером паламизма) о непознаваемости божественной сущности.

А.Ф. Лосев, философ имяславия, бывший (на раннем этапе его творческого пути) под значительным влиянием Флоренского, рассуждая в своей статье «Имяславие» (1922–1923 гг.) о философской и догматической составляющей имяславия, Лосев квалифицирует его так, что оно, так же как исихазм, отвергает абсолютный апофатизм, или агностицизм (предполагающий совершенную непостижимость Бога) и абсолютный рационализм (предполагающий, что Бог открывается целиком), но представляет собой абсолютный символизм — «учение, согласно которому непостижимая сама в себе божественная сущность является и открывается в определенных ликах». Понимаемый так символизм объединяет в себе агностицизм и рационализм, и соответствует учению о символе византийских богословов — Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова и исихастов XIV в. (т.е. паламитов) (Лосев 1999, 235).

Таким образом, традиционное философское осмысление имяславия, как мы видим на примерах П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева, вполне включало в себя представление об ограниченности сферы именования — ограниченности энергетическими проявлениями сущности при непознаваемости последней. Существенную роль в формировании этого представления в русской философской мысли сыграло паламитское учение, каковое как правило подразумевалась, когда те или иные русские имяславско-ориентированные философы говорили о границах познания и именования. Я уверен, что именно эта линия, отсылающая к имяславской доктрине, а через нее к паламизму, просматривается и у Вячеслава Иванова, когда он, рассуждая о Пушкине как имяславце, ведет речь о черте, где заканчивается именуемое и начинается неназываемое.

Я думаю, эта имяславская линия появилась Иванову в первую очередь благодаря Флоренскому, который был хорошим другом Иванова вплоть до отъезда последнего из России в 1924 г.³ Я могу указать и на более конкретный источник вдохновения Иванова в его размышлениях о Пушкине как имяславце, который я нахожу именно в сочинениях Флоренского. Это — размышления Флоренского о сфере эйдетического в контексте художественного творчества, выраженные в 15-й главке его сочинения «Смысл идеализма» (1915 г.). Здесь Флоренский рассматривает художественные произведения и их творцов как тех, кто открывает возможность для проявления неких энергетически заряженных духовных начал. Согласно Флоренскому, авторы художественных произведений выпускают в свет того или иного персонажа, который начинает жить в социуме своей жизнью, трансформируя его в соответствие со спецификой того или иного духовного начала. В качестве таких персонажей Флоренский упоминает Вертера, Фауста, Корсара, Каина, пушкинского Онегина. Начала, проявленные таким образом в искусстве, Флоренский, следуя Фуллье, называет идеями-силами, которые, в их проявлении в современном искусстве, приобретают настолько высокий уровень трансцендентности, что могут рассматриваться почти как самостоятельные существа; энергия этих идей проявляется через искусство в обществе.

Эти рассуждения Флоренский заканчивает слегка загадочной фразой, по всей видимости, имея в виду возрастание меры трансцендентности идеи: «Но можно пойти и далее, еще дальше отодвигая энергию идеи от нее самоё» (Флоренский 2000b, 136). Данная фраза, где Флоренский говорит об «энергии идеи» — выражение, почти не встречающееся в его других текстах, — очень напоминает фразу Иванова о том, что имена у Пушкина «суть живые энергии самих идей». На мой взгляд, это, а также отчасти общий, платонизирующий ход рассуждений Флоренского и Иванова о природе искусства, предполагающий, что оно работает с некими живыми идеями, энергия которых проявлена в произведениях искусства, позволяет предположить, что данное место из «Смысла идеализма» Флоренского было одним из источников вдохновения для рассуждений Вячеслава Иванова о Пушкине как имяславце. Еще одним таковым источником, имея в виду, что Иванов называет Пушкина именно *имяславцем*, очевидно, послужило само имяславское учение, известное Иванову, вероятно, в первую очередь от Флоренского. Это учение, в версии Флоренского, различает в любом бытии доступное и не доступное именованию/познанию, что

3 См. очерк их взаимоотношений и их переписку в: Переписка 1999.

и находит свое проявление у Иванова в контексте его размышлений о Пушкине-имяславце. В этом отношении в данном фрагменте у Иванова соединяется специфический имяславско-паламитский бэкграунд и базовая интуиция самого Иванова-символиста, высказываемая в различных его сочинениях, о том, что художественное творчество необходимым образом упирается в невыразимое (см., например, его статью «Заветы символизма» (1910 г.) (Иванов 1974, 588–603)).

ЛИТЕРАТУРА

- Белькинд, Е.Л. (1980), «Теория и психология творчества в неопубликованном курсе лекций Вячеслава Иванова в Бакинском гос. Университете (1921–1922 гг.)», in *Психология процессов художественного творчества*, 208–214. Ленинград: Наука.
- Гоготшвили, Л.А. (1999), «Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)», in *Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования*. Ред. Л.А. Гоготшвили, А.Т. Казарян, 303–382. М.: Русские словари.
- Иванов, В. (1922), «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова», *Научные известия. Сб. 2. Философия. Литература. Искусство*, 164–181. М.: Гос. изд-во.
- Иванов, В. (1974), *Собрание сочинений*. Т. 2. Брюссель.
- Иванов, В. (1987), *Собрание сочинений*. Т. 4. Брюссель.
- Лосев, А.Ф. (1999), *Личность и Абсолют*. М.: Мысль.
- Переписка (1999), «Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским» in *Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования*. Ред. Л.А. Гоготшвили, А.Т. Казарян, 93–120. М.: Русские словари.
- Флоренский, П., свящ. (2000a), *Сочинения в четырех томах*. Том 3 (1). М.: Мысль.
- Флоренский, П., свящ. (2000b), *Сочинения в четырех томах*. Том 3 (2). М.: Мысль.
- Belkind, E. (1980), «The Theory and Psychology of Artistic Creativity in an unpublished course of lectures by Vyacheslav Ivanov at the Baku State University (1921–1922)», in *Psychology of Artistic Creativity processes*, 208–214. Leningrad: Nauka (in Russian.)
- Correspondence (1999), «Correspondence of Vyacheslav Ivanov with the priest Pavel Florensky» in L. Gogotishvili, A. Kazaryan (ed.) *Vyacheslav Ivanov. Archival materials and research*, 93–120. М.: Russian Dictionaries. (in Russian.)
- Florensky, P. (2000a), *Essays in four volumes*. Vol. 3 (1). Moscow. (in Russian.)
- Florensky, P. (2000b), *Essays in four volumes*. Vol.3 (2). Moscow. (in Russian.)
- Gogotishvili, L.A. (1999), «Between the name and the predicate (symbolism Viach. Ivanov against the background of the name of Glory)», in L. Gogotishvili, A. Kazaryan (ed.) *Vyacheslav Ivanov. Archival materials and research*, 303–382. М.: Russian dictionaries. (in Russian.)
- Ivanov, V. (1922), «On the latest theoretical searches in the field of artistic expression», *Scientific News. Sat. 2. Philosophy. Literature*, 164–181. Art. Moscow: Gos. izd-vo. (in Russian.)

Ivanov, V. (1987), *The collected works*. Vol. 4. Brussels. (in Russian.)

Ivanov, V. (1974), *The collected works*. Vol. 2. Brussels. (in Russian.)

Losev, A.F. (1999), *The Personality and the Absolute*. M.: Mysl. (in Russian.)

PUSHKIN AS A NAME-GLORIFIER: THE CONTEXT OF THIS TOPIC IN VYACHESLAV IVANOV

BIRIUKOV, Dmitry S.

DSc in Philosophy, Leading Researcher.

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.

E-mail: dbirjuk@gmail.com

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Andrey Bely, Pavel Florensky, Alexey Losev, Onomatodoxy, ideas, arts.

The paper analyzes a fragment from Vyacheslav Ivanov's essay "On the latest theoretical searches in the field of an artistic word", where Ivanov, relying and polemicizing with the distinction made in Andrei Bely's article "The Aaron's Rod" between the poetic approaches of Fedor Tyutchev and Alexander Pushkin, speaks of Pushkin as a poet for whom transcendent logism is inherent, and in this context Ivanov calls Pushkin a Name-glorifier. In the polemic with Lyudmila Gogotishvili who contraposes Ivanov's views expressed in this fragment and the Name-Glorifying doctrine, the author, on the contrary, discloses similarities between them. The author discovers one of the important sources for inspiration for Ivanov's fragment under consideration in Pavel Florensky in his essay "The Sense of Idealism".

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00134 "The heritage of Byzantine Philosophy in the 20th and 21st century Russian and Western European philosophy".

DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-381-2.2021.15